

УДК: 304:929.7

И.А. САЙТАРЛЫ (кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных наук)

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

inna@befaudit.com.ua

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

У статті проаналізовані головні чинники розвитку куртуазної культури країн західної Європи у середньовічну добу.

християнський етос, лицарський кодекс, куртуазний взірець, репресія, репресивне суспільство

В исследовательских работах, посвящённых поведенческой культуре средневековой Европы, как правило, фигурируют две темы: христианский этос строгого благочестия и рыцарский поведенческий стандарт, описываемый в терминах любви и дворянской чести. На первый взгляд, здесь присутствует раздвоение в образцах, что структурно вполне объяснимо. Ведь основными ценностнообразующими центрами средневековой культуры выступили клерикальная и военная аристократия: «В XI существовало лишь два класса свободных: благородные воины и духовенство. Помимо них имелись только крепостные, несвободные или полусвободные...» [5, с. 49]. И, тем не менее, становление центрального рыцарского стандарта (этоса) происходит под непосредственным влиянием христианской аскезы.

Как утверждает в своём исследовании швейцарский писатель и философ Дени де Ружмон *концепция любви как душевной муки*, сопровождаемая добродетелями верности и страдания, неизбежным финалом которых к тому же является смерть, могла возникнуть лишь в условиях аскетически-эзотерического отторжения плоти и мирских радостей. Ведь что такое рыцарство языком канонической традиции? Это земной прототип «воинства небесного» под предводительством Архангела Михаила. Смерть на поле брани и смерть во имя любви – вот что придавало смысл рыцарской жизни и скрывалось за средневековым понятием «благородства». На христианском происхождении куртуазного идеала настаивает и Хейзинга, усматривая в ранней ренессансной лирике, например, продолжение средневекового архетипа «неземной страсти»: «Повсюду, где рыцарский идеал исповедовали в наиболее чистом виде, особое ударение делали на его аскетическом элементе. В период расцвета он естественно, и даже по необходимости, соединялся с идеалом монашества – в духовных рыцарских орденах времен крестовых походов. Но по мере того как действительность вновь и вновь изобличала его во лжи, он все более перемещался в область фантазии, чтобы сохранить там черты благородной аскезы, которые редко бывали заметны в реальной жизни. Рыцарь и его дама сердца, герой ради любви – вот первичный и неизменный романтический

мотив, который возникает и будет возникать всегда и всюду. Это самый непосредственный переход чувственного влечения в нравственную или почти нравственную самоотверженность, естественно вытекающую из необходимости перед лицом своей дамы выказывать мужество, подвергаться опасности, демонстрировать силу, терпеть страдания и истекать кровью, – честолюбие, знакомое каждому шестнадцатилетнему юноше. Проявление и удовлетворение желания, кажущиеся недостижимыми, замещаются и возвышаются подвигом во имя любви. *И тем самым смерть тотчас же становится альтернативой такого удовлетворения, обеспечивая, так сказать, освобождение обеих сторон* [94, с. 81]; «Одним из важнейших поворотов средневекового духа явилось появление любовного идеала с негативной окраской.... только в куртуазной любви трубадуров именно неудовлетворенность выдвигается на первое место. *Возникает эротическая форма мышления с избыточным этическим содержанием*, притом, что связь с естественной любовью к женщине нисколько не нарушается. Именно из чувственной любви проистекало благородное служение даме, не притязующее на осуществление своих желаний. Любовь стала полем, на котором можно было возвращать всевозможные эстетические и нравственные совершенства. Благородный влюбленный – согласно этой теории куртуазной любви – вследствие своей страсти становится чистым и добродетельным. Элемент духовности приобретает все большее значение в лирике; в конечном счете, следствие любви – состояние священного знания и благочестия, *la vita nuova*... Ни в какую иную эпоху идеал светской культуры не был столь тесно сплавлен с идеальной любовью к женщине, как в период с XII по XV в. *Системой куртуазных понятий были заключены в строгие рамки верной любви все христианские добродетели, общественная нравственность, все совершенствование форм жизненного уклада* [3, с.113].

Вследствие социальной деконструкции общества в эпоху «мрачного средневековья» древнегреческие социальные образцы будут в основном утрачены. Однако едва ли в них нуждались. До образования абсолютистских режимов и их дворов (*cour*) в аристократических кругах, как и в среде «простецов» царили крайне дикие нравы, составляющие резкий контраст, и христианским добродетелям, и куртуазному идеалу: «В жестокосердии тех времен есть некое простодушие инженю, отчего почти уже готовый приговор замирает на наших устах. В разгар эпидемии чумы, опустошавшей Париж, герцог Бургундский и герцог Орлеанский просят короля учредить *courd'amours* [суд любви], дабы немного рассеяться. В один из перерывов в ходе зверской резни арманьяков в 1418 г. горожане Парижа учреждают в церкви св. Евстахия братство св. Андрея. Каждый, будь то клирик или мирянин, носит венок из алых роз, и вся церковь полна ими и благоухает так, «словно умылась она водою розовой». Когда процессы над ведьмами, в 1461 г. опустошавшие Аррас подобно адскому бедствию, в конце концов, прекращаются, горожане празднуют победу правосудия, состязаясь в разыгрывании «*foliesmoralises*» [«дурачеств с нравоучениями»], где первым

Экономические предпосылки социальной культуры европейского средневековья

призом служит серебряная лилия, а четвертым – пара каплунов; между тем как замученные жертвы гниют в могиле. Так неистова и пестра была эта жизнь, где к запаху роз примешивался запах крови. Словно исполин с детской головкой, народ бросался от удушающих адских страхов – к младенческим радостям, от дикой жестокости – к слезливому умилению. Жизнь его полна крайностей: безусловное отречение от всех мирских радостей – и безумная тяга к наживе и наслаждениям, мрачная ненависть – и смешливость и добродушие» [3, с. 35].

К немалому числу эпизодов, свидетельствующих о чудовищном жестокосердии во всём средневековом обществе, прибегает и Н. Элиас. Элиас утверждает, что деспотическая власть поместных феодалов не знала никаких пределов. Их злодеяния оставались абсолютно безнаказанными, а жестокость могла проявляться в самых изощренных формах: «Вся его жизнь, – говорится об одном из рыцарей – проходит в грабежах, в разрушении церквей, в угнетении вдов и стариков. Ему особенно нравится калечить невинных. В одном единственном монастыре черных монахов в Сарлате можно обнаружить сто пятьдесят мужчин и женщин, которым он отсек руки и выколол глаза. Столь же жестока его жена, помощница в его казнях. Она наслаждается тем, что пытается бедных женщин. Она приказывает вырезать им груди или вырывать ногти, чтобы они не могли работать» [4, с. 274]. Подобный расцвет любви к насилию в средневековье, равно как и наличие некоторой сдержанности в проявлениях агрессивности зачастую объясняют экономической целесообразностью, а также невозможностью социального контроля «верхов» в виду отсутствия централизованной системы государственной власти. Уже в рыцарские времена деньги приобретают свое вытесняющее и трансформирующее аффекты влияние. Калечили обычно только бедных и низестоящих, за кого вряд ли возможно было получить выкуп: «... в ту эпоху не было наказаний за злодеяния, не было общественного возмездия. Единственной угрозой, единственной опасностью, способной вызвать страх, было поражение в борьбе с более сильным противником. Как замечает историк французского общества XIII в. Люшер, если не принимать во внимание нравы небольшой элиты, то можно признать, что разбой, грабеж, убийства полностью соответствовали стандарту воинского общества того времени, и мало что позволяет говорить о том, что в других странах или на протяжении нескольких столетий дело обстояло иначе. Жесткость не была поводом исключения человека из общества. Радость от созерцания мучений и смерти других была велика и имела общественно признанный характер...» [4, с. 274].

Кроме чрезвычайно аффективного поведения, когда состояния открытого ликования и радости мгновенно сменялись таким же нескрываемым приступом ярости и жестокости, средневековым людям была почти несвойственна физиологическая брезгливость. О *низком пороге чувствительности к телесным функциям* средневековых людей, или довольно терпимом к ним отношении свидетельствует ряд изданий тех лет, посвященных правилам застольного этикета. Так, в известном морально-

Сайтарлы И.А., 2012

дидактическом произведении XIII в. «Придворное воспитание», авторство которого приписывают Тангейзеру встречаются такие правила застольного этикета: во время еды следует плевать не на стол, а под стол или на стену; громко не сморкаться, а если невтерпех, то сморкаться не в правую руку, которой обычно берут хлеб, а в левую; не ковыряться ножом в зубах и т.п. Элиас, например, утверждает, что лишь в эпоху Возрождения, а потом и во времена Абсолютизма структура человеческих аффектов изменится коренным образом, произойдёт существенная трансформация человеческих чувств. Между тем процесс кристаллизации априорных структур, преобразовывающих человеческие чувства, начинается с расцвета *средневековой куртуазной лирики и рыцарского кодекса*, немислимого без стандарта *почтительной любви*. Подвергая средневековую *«courtoise»* обстоятельному анализу, Д. де Ружмон и Й. Хёйзинга, склонны рассматривать её как эстетическую компенсацию невозможности естественного наслаждения природой. Именно аскетическая негация «природного» в человеке привела к конструированию рафинированных форм, в которые «облекали» страсти. Таким образом, *куртуазный образец может быть определён как эстетический компромисс между инфернальным влечением и строгой моралью*: «Обожествление телесной прелести в рыцарском спорте и придворных модах, высокомерие и честолюбие титулованных особ и вельмож, безмерные восторги любви – как облагородить и возвысить все то, что было осуждено и изгнано верой? Для этого служил средний путь, уводивший в мир грез, облакавший все эти влекущие соблазны прекрасным сиянием старых, фантастических идеалов. Это как раз та черта, которая французскую рыцарскую культуру XII в. связывает с Ренессансом: настойчивое культивирование прекрасной жизни в формах героического идеала. Почитание природы было еще слишком слабым, чтобы можно было с полной убежденностью служить обнаженной земной красе в ее чистом виде, как то было свойственно грекам; сознание греха было для этого слишком уж сильно; *лишь набросив на себя одеяние добродетели, красота могла стать культурой*» [3, с.49]. Однако не все авторы разделяют эту точку зрения. Можно сколько угодно рассуждать о религиозно-мистической устремлённости средневековых элит к эстетически-рафинированным формам, и, тем не менее, известно, что светская аристократия в Западной Европе всегда чувствовала себя относительно независимой от влияния Церкви. Именно поэтому, подлинной причиной формирования куртуазного стандарта является, не столько аскетическое влечение к иллюзорному миру, сколько экономические обстоятельства. Во-первых, речь идёт о праве женщин высшего сословия на частную собственность, а также на участие в политической жизни общества (средневековая южная Франция). Это благоприятствовало тому, что женщина могла занимать высокий социальный статус, быть относительно независимой, недоступной, или труднодоступной «госпожой» (исключительно европейский феномен). Во-вторых, многие исследователи средневековой культуры утверждают, что основную роль в культивировании

и распространении куртуазного стандарта играли представители «безземельного рыцарства», которые могли вполне достойно существовать при дворах своих благодетельниц, воспевая их красоту и добродетель: «Чем выше были личные качества и ранг княгини, тем больше блистал её двор, тем больше певших хвалебные песни оказывалось у неё при дворе» [5, с. 77]. Вышеуказанная социально-экономическая интерпретация вполне комплементарна фрейдистскому пониманию куртуазной любви как «любви на расстоянии» или сублимированного аффекта: «... сдерживание, обуздание, а тем самым и преобразование влечений в данном воинском обществе требовалось, прежде всего, от нижестоящего и зависимого мужчины в его отношениях со стоящей на более высокой социальной ступени женщиной. Нельзя считать случайным, что именно в этой ситуации возникает социальный (а не только индивидуальный) феномен, получивший название «лирики». А вместе с ним, появляется и другой социальный феномен: то преобразование желания, те оттенки чувства, та сублимация аффектов, которые называются нами «любовью»... Недоступность или труднодоступность женщины, обусловленные ее более высоким положением, делают ее еще более желанной. Такова ситуация и таковы аффекты, нашедшие свое выражение в миннезанге...» [5, с. 83]. О том, что творцами рафинированных стандартов средневековья были в основном обнищавшие дворяне, пишет и К. Мангейм, который к тому же в сложившейся европейской галантности видит продолжение куртуазного стандарта. С его точки зрения, трубадуры Прованса создали образ возлюбленной, отражавший чисто «экзистенциальное» отношение; в их поэзии любовь была путем к самоочищению и спасению. Тем не менее, в этом, как и в других случаях, можно наблюдать, что «экзистенциальные» отношения не имели своего собственного языка. Они говорили на языке чисто «социальной» дистанции. «Трубадуры изображали себя «слугами» возлюбленной дамы, совершенно в духе феодальных отношений, и мы до сих пор вторим им в ритуале и языке наших собственных возвышенных эротических отношений. Мы даже пользуемся феодальной метафорой «строить куры» в смысле ухаживания за дамой» [2, с. 226]. Однако как замечают многие авторы, поведенческие образцы, воспетые в лирике трубадуров и миннезингеров, в средневековье носили частный характер и в виду социально-политической слабости их референтов и не могли определять поведенческую мотивацию всего средневекового дворянства: «Можно прийти к выводу..., что и в эпоху Филиппа Августа более куртуазное, более любезное отношение к женщинам в феодальных кругах можно было встретить только в виде исключения. В подавляющем большинстве поместий и замков все еще господствовал древний обычай жестокого и крайне непочтительного обращения с ними.... Не следует питать иллюзий, возникающих при ознакомлении с теориями любви провансальских трубадуров или некоторых «труверов» из Фландрии и Шампани: выраженные ими чувства, были, сдаётся, чувствами элиты, крайне незначительного меньшинства...» [5, с. 80].

В целом средневековое общество представляло собой арену жестокой борьбы между разрозненными феодальными княжествами, обладающими относительной независимостью от высшей светской власти – короля, который, в те времена ещё не обладал абсолютной её полнотой: «Всякий, правящий на каком-нибудь клочке земли, начинает считать себя господином. Это целиком соответствует его действительной зависимости от центра – ведь в мирные времена она минимальна» [5, с. 33]. Любой барон, любой виконт, любой сеньор, сидя в своём замке, властвовал над поместьями и был подобен правителю государства. Сила номинального сюзерена, т.е. центральной власти была же незначительной. В исторических науках такой общественный процесс называется *феодализацией* – постепенной децентрализацией государства, дезинтеграцией земель, переходом управления от короля-завоевателя к военной касте в целом или «иерархически организованному рыцарству». В своих владениях каждый феодал, по сути, был полновластным господином и «королём», который время от времени не прочь был сразиться с «соседом» по вполне меркантильным соображениям. Ничто не принуждало его к самоконтролю или сдерживанию влечений. Ничто не принуждало к высоким поведенческим стандартам и мелких рыцарей, которые вынуждены были сами себя обеспечивать и зачастую вели жалкое существование. Если верить Элиасу, они могли прокормить, лишь пару слуг и многочисленных сыновей и дочерей, «постоянно враждовали друг с другом, а единственным способом добыть что-нибудь сверх продуктов с собственных полей было опустошение чужих земель или ограбление аббатств и монастырей. Когда интенсифицировалось денежное обращение, соответственно возрос спрос на деньги, к этому добавились налёты на города, нападения на торговые караваны, захват пленников с целью получения выкупа. Насилие – война, разбой, грабёж – вот обычная, и иногда и единственная, форма дохода рыцарей, живущих в условиях натурального хозяйства» [5, с. 71]. Именно поэтому в эпоху феодализма царили столь жестокосердные нравы, а распространение куртуазной культуры в среде аристократического сословия наталкивалось на серьёзные препятствия. Лишь в условиях централизованной власти и финансовой зависимости высшей знати от короля, аристократии придется обуздать свой нрав посредством жёстких этических императивов.

С процессом феодализации в средние века связан процесс образования «закрытого» иерархического общества с вертикальной системой социальной стратификации. Социальной единицей такого общества выступает не *класс*, а *сословие*, которое квалифицируется, главным образом, по роду деятельности, и уже затем – по имущественному признаку. Возможно поэтому, рассматривая сословный вопрос, Гегель полагал, что в основу сословного деления заложены «неравенство в умении, в имуществе и даже в интеллектуальной и моральной культуре» [1, с. 240]. О приоритете рода деятельности над имущественным критерием в определении сословия говорит и Хёйзинга, замечая, что идея сословного разделения общества в Экономические предпосылки социальной культуры европейского средневековья

Средневековое насквозь пронизывает все теологические и политические рассуждения. И дело вовсе не ограничивается обычной триадой: духовенство, аристократия и третье сословие. Понятию «сословие» придается не только большая ценность, оно также и более обширно по смыслу: «В общем, всякая группировка, всякое занятие, всякая профессия рассматривается как сословие, и наряду с разделением общества на три сословия вполне может встретиться и подразделение на двенадцать» [3, с. 65]. Сословие есть состояние, некий социальный порядок (*ordo*), и за этими терминами стоит мысль об установленной богом действительности. Ибо согласно средневековому сознанию, каждая из социальных групп являла собой божественное установление, некий орден мироздания, столь же существенный и столь же иерархически почитаемый, как небесные Престолы и Власти. При этом понятием *ordo* в Средние века охватывали множество категорий, от сословия в современном понимании до состояния в браке, наряду с сохранением девства, пребывание в состоянии греха. На сословия подразделялись не только лица, посвятившие себя служению Церкви – сословия священников, диаконов, монашеские и рыцарские ордена, но и «хлебодары», «кравчие», «кухмейстеры» и т.п. Каждому из сословий принадлежала определённая социально-полезная функция. Однако высшее предназначение имела аристократия, которая была призвана охранять мир и отстаивать общие интересы, что, безусловно, соблюдалось лишь на словах. Центральным элементом средневековой поведенческой парадигмы выступает понятие сословной чести, связанное, главным образом, с поведением элит. И хотя в общем мировоззрении господствует богословское понимание человеческих добродетелей, равно как и недостатков, понятие чести, в частности сословной чести, нисколько не ассоциировалось с грехом гордыни. Например, представители благородного сословия считали для себя невыносимым унижением и позором не предоставить старшему по рангу место, которое им подобает, либо не оказать услугу. Формальное чувство чести было настолько сильным, что нарушение тех или иных правил учтивости воспринималось как самое страшное оскорбление, в связи с чем, Хейзинга, например, описывает случай с одним высокопоставленным вельможей, который оказал почести палачу, ошибочно приняв его за дворянина, за что этот палач впоследствии поплатился жизнью. Такова «этика» в жестких иерархических обществах – сословных, либо кастовых, в которых человек себя идентифицирует в зависимости не от своих личных заслуг и качеств, а коррелятивно принадлежности к той или иной социальной группе. И чем выше его социальное положение, тем более он нетерпим к непочтительному обхождению.

Ближе к XV веку составляющие структурно-социальное ядро старого феодального общества рыцарство вытесняется на задворки истории. Куртуазный поведенческий стандарт, связываемый с этим институтом, был уделом очень незначительной части аристократического сословия. Более того, исторические хроники средневековья, к которым апеллируют Сайтарлы И.А., 2012

медиевисты, свидетельствуют о том, что политическое и социальное развитие западноевропейского общества происходило в значительной степени вне связи с рыцарством. Эпоха истинного феодализма и процветания рыцарства приходит к концу уже в XIII столетии. То, что следует затем – это княжеско-городской период Средневековья, когда господствующими факторами в государственной и общественной жизни становятся *торгово-коммерческое* могущество бюргерства и покоящееся на нем *денежное* могущество государя, что и предопределяет впоследствии переход к новой культуре – культуре Ренессанса, а затем послужит укреплению Абсолютизма.

В эпоху Возрождения, наблюдаются существенные перемены в экономической и политической структуре общества, возрастает сектор рыночных отношений. Свой моделирующий и принуждающий характер обретают деньги. Набирает социальный вес буржуазия. Между тем потестарно-репрессивное общество, с дворянской аристократией на вершине социальной пирамиды ещё долго будет довлеть над индивидом. Хёйзинга, например, указывает на тот факт, что в понятие «третье сословие» вплоть до Французской революции входили *нераздельно* буржуазия и пролетариат, причём «на передний план попеременно выдвигался то образ бедного крестьянина, то богатого и ленивого буржуа. Очертаний же, соответствующих подлинной экономической и политической функции третьего сословия, понятие это не получало» [3, с. 66]. Элиас, например, указывает на то, что, несмотря на перманентные междоусобицы между старым дворянским рыцарством и крепнувшими буржуазными группами, к концу XVI века взаимозависимость между частью дворянства и буржуазии начинает возрастать. Нивелирование социального антагонизма здесь происходит за счёт страстного стремления представителей крупной буржуазии к дворянским титулам и соответственно, привилегиям так называемого «дворянства шпаги». К этому времени «многие семьи старого рыцарского дворянства вымерли», а многие главы буржуазных семей получили дворянство, «и уже их потомки через несколько поколений начинают отстаивать интересы трансформировавшегося дворянства в борьбе с теми буржуа, которые ещё не достигли высот общественной пирамиды. Эта социальная двойственность со стороны буржуазии или амбивалентность в её установках по отношению к так называемому «дворянству шпаги» ясно ощутима в морально-дидактических произведениях европейских гуманистов, значительная часть которых была буржуазного происхождения.

В эпоху позднего Ренессанса возникает понятие, которое постепенно вытесняет традиционную рыцарскую куртуазность, а именно – «*civilité*», первоначально обозначавшее учтивость или учтивое поведение. Например, это слово фигурирует в тексте дидактического труда Эразма Роттердамского «О приличии детских нравов», в котором автор отражает специфику поведенческой культуры, пронизывающей, и Средние Века и Возрождение. В отличие от куртуазной поэзии, описываемой тонкие душевные переживания, книга «О приличии детских нравов» посвящена вопросу

Экономические предпосылки социальной культуры европейского средневековья

демаркации «дурных» и «хороших» манер. Как утверждают некоторые авторы, во многом эта книга несёт в себе черты средневекового стандарта, и, тем не менее, в основу её текста заложено не средневековое «*courtoise*», а «*civilité*», которое «в дальнейшем займёт место рыцарско-феодалного понятия придворной учтивости» [4, с.132]. В анализируемом Роттердамском социальном стандарте всё более ощущается значение императива сдержанности в аффектах, что свидетельствует о возрастании интереса к проблемам поведения. Этические стандарты, образующие понятие «*civilité*», предназначались для представителей благородного сословия. Поэтому рассмотрение тех или иных правил пристойного поведения происходит через традиционное их противопоставление манерам поведения «простецов»: «Как дворянину, так и всякому *почтенному человеку* не следует ни по переулкам бегать, ни слишком торопиться, ибо это пристало лакеям, а не достойному человеку...» [4, с. 138].

В целом интерес к культуре поведения возрастает с новой силой, и такие близкие по духу сочинения, как «Придворный» Кастильоне или «Галатео» Джованни Делла Каза, появляются почти одновременно. Книги, посвящённые поведенческой культуре, целиком и полностью востребованы обществом, в котором образуется новый социальный слой, или «новая аристократия, включавшая в себя людей различного социального происхождения. В результате необходимость единых для всех них правил «хорошего» поведения становится важной проблемой: изменения состава нового высшего слоя влечёт за собой невиданное ранее давление на каждого принадлежащего к нему человека, растёт социальный контроль» [4, с. 141].

Итак, социогенезис крупных феодальных дворов в средневековой Европе является одновременно социогенезисом куртуазного поведения. Своеобразный институт миннезанга есть следствие той формы вассалитета, которая сложилась в результате избыточного количества представителей дворянского сословия, вынужденного искать службу у более могущественных господ. Как только возникает возможность свободного продвижения по социальной лестнице вследствие жёсткой конкурентной борьбы, или личных качеств, растёт ценность поведенческой культуры. Индивид сам принуждает себя к высоким стандартам поведения и аффективному контролю, ибо подобно знаниям и умениям они выступают верным средством его социального успеха. Так, известно, что в средневековой Европе слово «*clerc*» первоначально обозначало ученого клирика. Однако с конца XII столетия, клириком называли простого человека, который учился в университете и умел писать и читать на латыни. Когда представители высокообразованной буржуазии получили привилегию входить в королевский совет, клирики превращаются в клерков, т.е. «клириками» называют людей, занимающих высокие государственные чины, в числе которых советники короля, члены верховного суда, сборщики налогов. Талант, образование и куртуазные манеры позволяли улучшить своё материальное и социальное положение отдельным представителям, как дворянского, так и буржуазного сословия. Хотя многого добивалось лишь

незначительное меньшинство, всё же возможность достичь желаемого посредством личных усилий является началом краха поведенческого варварства Средневековья и преддверия новой культуры, в которой императив беспрекословного подчинения «верхам» будет нивелирован изысканностью услужения и пиетета.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; [пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц]. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2]. – (Филос. наследие).
2. Мангейм К. Избранное: Социология культуры/К. Мангейм; [пер. с англ. Л.Ф. Вольфсон, А.В. Дранов]. – М.: Университетская книга, 2000. – 501 с.
3. Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Соч. в 3-х тт. / Й. Хёйзинга: [Пер. с нидерланд. вступ. ст. и общ. ред. Уколовой В.И.]. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. Т. 1. – 1995. – 416 с.
4. Элиас Н. О происхождении цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. / Н. Элиас; [пер. с англ. А.М. Руткевич]. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. - («Книга света») Т. 1. – 2001. – 332 с.
5. Элиас Н. О происхождении цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. / Н. Элиас; [пер. с англ. А.М. Руткевич]. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. - («Книга света») Т. 2. – 2001. – 382 с.

Надійшла до редакції 12.12.2011

И.А.САЙТАРЛЫ

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье проанализированы основные факторы развития куртуазной культуры стран западной Европы в эпоху средневековья.

христианский этос, рыцарский кодекс, куртуазный образец, репрессия, репрессивное общество

I. SAITARLY

Taras Shevchenko Kyiv University

THE ECONOMIC PRECONDITIONS OF SOCIAL CULTURE OF THE EUROPEAN MIDDLE AGES

The article is analyzed the main factors of development of courtly culture in Western Europe during the middle Ages.

christian ethos, chivalrous code, courtly pattern, repression, repressive society